

Мещерякова Елена Михайловна

канд. психол. наук, старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Камчатский государственный

университет имени Витуса Беринга»

г. Петропавловск-Камчатский, Камчатский край

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА ЛИЧНОСТНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: в статье представлены результаты эмпирического исследования возрастной динамики личностной и профессиональной идентичности. Дано сравнительное описание особенностей идентичности личности в подростковом возрасте, юношеском, в период ранней зрелости и зрелости. Представлен анализ взаимосвязи параметров временной перспективы личности и идентичности в разрезе возрастных периодов.

Ключевые слова: личностная идентичность, профессиональная идентичность, временная перспектива, кризис идентичности, статус идентичности.

Введенное Э. Эриксоном понятие «идентичность» рассматривалось автором и как процесс построения индивидуального «Я» в ходе приобретения нового жизненного опыта, и как многомерное личностное образование, ведущей функцией которого является адаптация человека к окружающей социокультурной среде [6]. Научное сообщество стало активно развивать идеи автора, появились различные концепции, разводящие социальную и персональную идентичность (А. Тэшфел), выделяющие различные критерии для определения идентичности (Р. Баумайстер), акцентирующие внимание на темпоральности идентичности (Е.П. Белинская, Г.М. Андреева, О.В. Лукьянов).

Теоретический анализ проблематики идентичности показал общую точку для множеств концепций: представление идентичности как сложного структурного явления, отражающего связь между личностью и ее социокультурным окружением. Во взаимодействии субъекта с социумом происходит не только осознание ин-

дивидом своего собственного «Я», его самости и уникальности, но и формируется чувство принадлежности к какой-либо общности [4]. Очевидно, что конструкт, выполняющий функцию связи человека с окружающей действительностью не может быть жестким, идентичность адаптивного субъекта должна своевременно реагировать на ускоряющийся темп изменений в современном обществе.

Последователь Э. Эриксона, Дж. Марсия в своей теории делает акцент на динамичном характере идентичности и дает определение различным статусам идентичности:

– достигнутая (реализованная) идентичность становится результатом процесса самопознания, отделения от влияния родительских установок. На этом этапе у человека формируется определённая имплицитная система целей, ценностей и убеждений, которая придает смысл жизни и определяет направление дальнейшего развития;

– «мораторий» описывает кризисное состояние, проявляющееся в активном столкновении субъекта с различными возможностями и социальными ролями, вариативность которых в современном мире растет с геометрической прогрессией. На этой стадии личностная идентичность становится неопределённой и подверженной изменениям: противоречивость системы ценностей приводит к формированию ненаправленного выбора;

– диффузная идентичность характеризуется отсутствием конкретизированных представлений в отношении гендера, идеологии, профессионального пути; представления о себе редко переносятся в пласт осознанной проработки, слабо дифференцированы. Подобный статус идентичности встречается в ситуации отсутствия четких целей, сформированной системы ценностей, которая замещается заимствованной системой убеждений;

– преждевременная идентичность или «предрешение» наблюдается в том случае, если субъект определяет себя через процесс идентификации с родителями, некритично принимает чужую систему взглядов и ценностей, отражая не уникальность «Я», а ожидания окружающих [4].

Л.Б. Шнейдер выделяет еще один статус идентичности – псевдоидентичность или гиперидентичность – полное вживание в социальную роль, статус, работу или любого другого объекта [4]. Смена статусов идентичности с одной стороны – является нормативным возрастным развитием, с другой – адаптивным механизмом в ситуациях ненормативных биографических кризисов.

Наряду с изучением проблемы идентичности, исследователи рассматривают проблематику кризиса идентичности, переживание которого изначально приписывалось юношескому возрасту. В настоящее время множество научных исследований в области социологии и психологии показывают, что кризис идентичности выходит за пределы обычных возрастных норм (К.А. Абульханова-Славская, Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, Л.Б. Шнейдер и др.) и стал необходимой составляющей постоянного процесса адаптации к нестабильному обществу. Так, Н.Н. Гунгер отмечает возможность возникновения кризиса идентичности в различных возрастных этапах, связывая это со спецификой внешней и внутренней ситуации развития [1]. Краткий теоретический обзор по проблематике идентичности не позволяет полностью обрисовать тот огромный пласт научных исследований, которые были проведены различными зарубежными и отечественными психологами. В исследованиях идентичности расставляются акценты, учитывающие различные параметры: социальные роли, специфику трудовой деятельности, гендер, возрастные особенности, специфику временных представлений личности и др. В этой статье мы представим часть результатов эмпирического исследования, основной целью которого выступило изучение специфики взаимосвязи временной перспективы и кризиса идентичности в различных возрастных периодах.

Основная задача статьи – раскрыть возрастную динамику личностной и профессиональной идентичности во взаимосвязи с временной перспективой.

В исследовании приняло участие 139 человек в возрасте от 16 до 55 лет. Общая выборка была поделена на группы согласно возрастным периодам: старший подростковый, юношеский, ранняя зрелость, зрелость (поздняя

взрослость). Нами был определен следующий возрастной состав эмпирических групп:

1 эмпирическая группа (подростки), сюда вошли девушки и юноши в возрасте от 15 до 17 лет, обучающиеся в общеобразовательных школах города Петропавловска-Камчатского, общее количество – 38 человек;

2 эмпирическая группа (период юношества), включает юношей и девушек в возрасте от 18 до 22 лет, обучающихся в ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга», – 47 человек;

3 эмпирическая группа (период ранней взрослости/молодость) – 26 человек (мужчин и женщин) в возрасте от 23 до 29 лет;

4 эмпирическая группа (период поздней взрослости/зрелость) – 28 человек (мужчин и женщин) в возрасте от 30 до 55 лет.

Все выборки были уравнены по половому признаку.

Для сбора эмпирических данных нами были использованы следующие диагностические методики: методика *ZPTI* Ф. Зимбардо по временной перспективе (модификация А. Сырцовой, Е.Т. Соколовой, О.В.Митиной); «Опросник кризисной идентичности» Н.В. Дмитриевой и Н.А. Самойлик; анкета кризисных событий и переживаний В.Р. Манукян; методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ) и личностной идентичности (МИЛИ) Л.Б. Шнейдер.

При обработке полученных данных использовались методы статистического анализа (корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента, ϕ^* -критерий углового преобразования Фишера, критерий U-Манна-Уитни).

Результаты исследования.

Анализ наиболее часто встречающихся статусов идентичности в различных возрастных группах показал, что среди подростков значимо чаще встречаются респонденты с преждевременной профессиональной идентичностью, которая характеризуется заимствованной системой взглядов и ценностей. Такая идентичность встречается у тех, кто еще не столкнулся с кризисом и необходимостью пересмотра своих жизненных установок, что логично соответствует

возрастному периоду и его особенностям: вопрос профессионального выбора только недавно начал волновать школьников, у многих еще не сформировано сколько-нибудь ясное представление о том – куда им идти учиться и какую профессию выбрать. Большая часть выборки (71,1%) – респонденты с достигнутой личностной идентичностью, предполагающей наличие сформированной, личностно значимой системы целей, ценностей, убеждений, позитивное самоотношение, высокий уровень адаптивности и устойчивой связи с социумом (рис. 1).

При сопоставлении статусов личностной и профессиональной идентичности старшего подросткового возраста, был выявлен более высокий процент респондентов с преждевременной идентичностью и кризисной идентичностью (мораторий) именно в профессиональной области. Такие результаты говорят о том, что часть подростков все еще пользуются заимствованными системами взглядов и установок относительно своего профессионального выбора, другая же часть – вплотную столкнулась с ситуацией выбора. Неопределенность ожиданий, противоречивость желаний и стремлений, изменчивость в профессиональном выборе – характеристика профессиональной идентичности таких респондентов. Важно указать, что аналогичная картина наблюдается и в выборке юношеского возраста. Для людей в возрасте от 18 до 22 (в нашем исследовании эту выборку представляли студенты, уже получающие профессиональное образование), как и для старших подростков, характерна в большей степени кризисная профессиональная идентичность, чуть в меньшей – преждевременная.

Если в возрасте 16–17 лет перед детьми встает вопрос – с каким видом профессиональной деятельности они хотят связать свою жизнь, то чуть позже (в 18–20/22 года) актуальной становится проблема соответствия ожиданий от получаемого образования и реалиями образовательного процесса. Юноши сталкиваются с вопросом: а хочу ли я быть тем, на кого учусь? Буду ли я работать по своей профессии? К сожалению, на сегодняшний день система профориентационной работы в школах реализуется не так эффективно, как должно. В результате – многие первокурсники, находясь в ситуации выбора профессиональ-

ного пути, пользуются не знаниями о себе, своей личности, умениях и их соответствии выбираемой профессии, а теми представлениями и ценностями, которые транслируются ближайшим окружением (родители, друзья). Именно это и подтверждают полученные нами результаты: личностная идентичность у большинства юношей характеризуется направленностью и осмысленностью, а профессиональная – хаотичностью и неопределенностью.

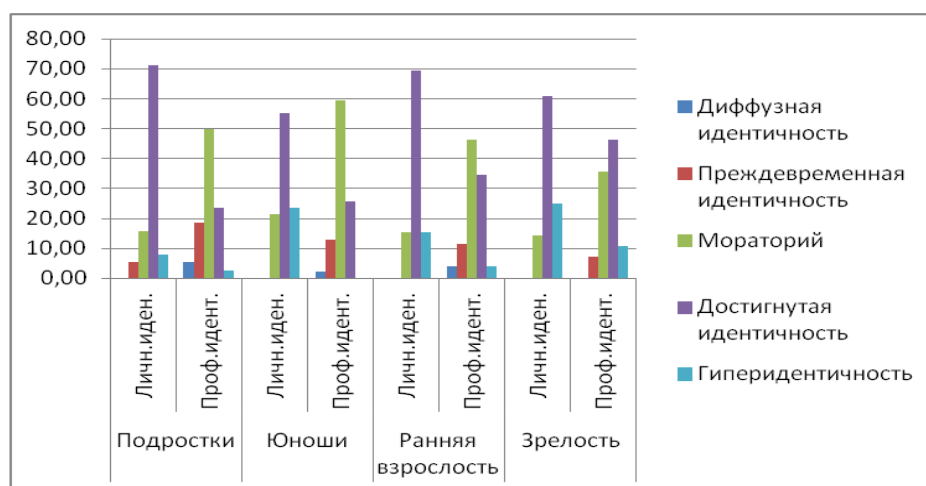

Рис. 1. Процентное соотношение статусов личностной и профессиональной идентичности респондентов разных возрастных групп

Еще одной отличительной чертой юношеского возраста в сравнении со старшим подростковым является значимое увеличение числа респондентов с личностной гиперидентичностью (7,9% – подростки; 23,4% - юноши). Анализируя этот факт, можно отметить, что и среди респондентов периода ранней зрелости и зрелости процент людей, чья личностная идентичность находится в статусе гиперидентичности, выше, чем у подростков. Как отмечает Л.Б. Шнейдер, такой тип идентичности характеризуется поглощенностью статусом или социальной ролью, при этом человек высоко оценивает собственные личностные качества, игнорируя тот факт, что доверительные связи с социумом нарушены. При гиперидентичности можно наблюдать как стабильное отторжение своей уникальности, так и, напротив, ее амбициозное подчеркивание, стереотипность и ригидность поведения, низкую рефлексивность и непринятие критики [4]. На наш взгляд полученные данные могут объясняться увеличением

количества разнообразных социальных связей и ролей с течением времени. Чем старше человек, тем больше вероятность проявления гиперидентичности – позволяющей замещать нереализованность в одной сфере успехами в другой.

При сравнении юношеского возраста и периода ранней зрелости статистически достоверных различий в соотношении представленности различных статусов идентичности выявлено не было. Можно говорить о том, что в возрасте от 23 до 30 лет человек сталкивается с аналогичными конфликтами в сфере профессионального самоопределения, что и в юношеском возрасте. Важно отметить тенденцию к увеличению представленности респондентов с достигнутой личностной и профессиональной идентичностью. Однако, довольно большой процент респондентов периода ранней взрослости находится в состоянии кризиса профессиональной идентичности (46%). Мы предполагаем, что этот кризис отражает уже не столкновение личностных представлений о будущей профессии и текущим образовательным процессом, а противоречие, вызванное несоответствием реальных возможностей профессиональной самореализации идеальным профессиональным представлениям и запросам. Другими словами – если в юношеском возрасте кризис профессиональной идентичности – это про адаптацию к процессу профессионального образования, про выбор профессионального пути и его верность, то в период ранней взрослости кризис профессиональной идентичности, это про работу, ее соответствие имеющимся личностным ресурсам и существующим представлениям о профессиональных функциях, задачах и возможностях дальнейшего развития в трудовой сфере.

Для периода зрелости характерно снижение показателей кризисной профессиональной идентичности и увеличение достигнутой профессиональной идентичности. При этом в личностной идентичности возрастает количество случаев гиперидентичности, что отражает саму специфику данного возрастного этапа. В возрасте от 30 до 55 лет человек сталкивается с несколькими глобальными социальными ролями: работник/профессионал, супруг, родитель, добивается какого-то конкретного статуса в обществе. Любая из указанных ролей в совокупности с определенными личностными чертами (например, ригидность,

склонность к позиции контролирующего родителя (Э.Берн), низкий уровень критичности и рефлексии, тревожность и др.) и под влиянием приписанного человеку статуса может транслироваться на иные, не связанные с ролью, сферы жизни человека. Уместным, на наш взгляд, будет упоминание профессиональных деформаций и деструкций, которые начинают формироваться где-то к середине рассматриваемого периода.

Результаты, полученные с помощью анкеты кризисных событий (В.Р. Манукян) позволяют говорить о том, что общий характер переживания различных биографических кризисов слабо различается между следующими друг за другом возрастными периодами, при этом степень остроты переживания каждого из кризисов снижается к более зрелому возрасту (рис. 2).

Можно отметить, что у старших подростков более выражено переживание кризиса процесса вхождения во взрослость, связанное со стадией оптации в профессиональном личностном становлении (значимые различия в средних показателях при сопоставлении со всеми выборками). В.Р. Манукян отмечает, что этот кризис сопряжен с переходом в новую ценностно-смысловую общность взрослых людей, и ставит перед человеком проблемы сепарации и индивидуализации, а также вопросы осознания и принятия ответственности [3].

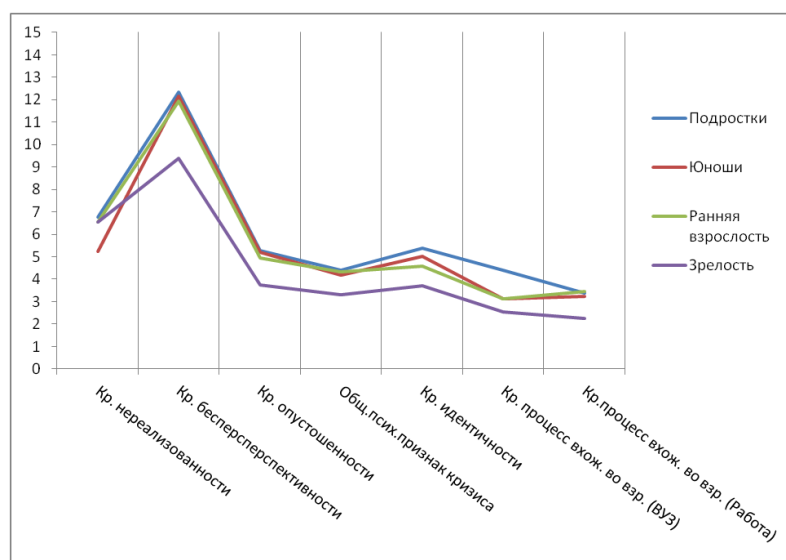

Рис. 2. Возрастная динамика переживания биографических кризисов (сравнение средних значений)

В подростковом и юношеском возрасте в сравнении с периодом зрелости показатель переживания кризиса опустошенности и бесперспективности значительно выше ($p=0,012$ и $p=0,05$ соответственно). На наш взгляд это может быть связано со спецификой временной перспективы, потому что оба кризиса подчеркивают отсутствие актуальных и потенциальных связей событий прошлого, настоящего и будущего (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения показателей биографических кризисов

	Подростки	Юноши	Ранняя взрос- лость	Зре- лость
Кризис нереализованности	6,77	5,22	6,54	6,54
Кризис бесперспективности	12,32	12,16	11,95	9,38
Кризис опустошенности	5,29	5,21	4,93	3,73
Общепсихологический признак кризиса	4,41	4,20	4,32	3,30
Кризис идентичности	5,38	5,02	4,60	3,70
Кризисный процесс вхождения во взрослость (вуз)	4,40	3,13	3,12	2,54
Кризисный процесс вхождения во взрослость (начало проф. деятельности)	3,40	3,23	3,47	2,26

Специфика возрастных изменений в характере взаимосвязи идентичности и временной перспективы личности.

Анализ возрастной специфики взаимосвязи временной перспективы и личностной идентичности (путем подсчета коэффициентов корреляции Пирсона и Спирмена между шкалами методики *ZTRI* Ф.Зимбардо и МИЛИ Л.Б.Шнейдер), выявил, что значимая корреляций соответствующих показателей есть только в юношеском возрасте. В группе юношей были обнаружены взаимосвязи между показателем личностной идентичности и негативного прошлого ($t = -0,38$; $p \leq 0,01$), гедонистического настоящего ($t = -0,29$; $p \leq 0,05$) и фаталистического настоящего ($t = -0,32$; $p \leq 0,05$). Более высокий статус личностной идентичности связан с меньшей выраженностью негативного отношения к прошлому, оценки событий жизни, как «плохих» или незначимых, уверенностью в собственных силах и возможности самому изменять реальность и делать осмысленный выбор, а также со способностью отказываться от удовольствий в настоящем ради

достижения целей в будущем [2]. При этом в выборке юношеского возраста у 21,3% личностная идентичность характеризуется статусом моратория, а у 23,4% – гиперидентичностью, только 55,3% опрошенных юношей – показывают достигнутую идентичность. Можно предположить, что в период юношества связь между процессом построения целостной и непротиворечивой Я-концепции больше связана с временной перспективой, чем в любой другой возрастной период, ведь временная перспектива – это совокупность представлений человека о своем пути жизни в сложной системе взаимосвязей между событиями и эмоциональным к ним отношением, это определенные установки и поведенческие паттерны, определяющие характер организации жизни в пространстве времени [5]. Другими словами, в период получения профессионального образования – временная перспектива в большей степени откладывает свой отпечаток на реконструкцию событий и построения целостной идентичности.

Интересно, что при рассмотрении системы взаимосвязей временной перспективы и профессиональной идентичности, наблюдается совсем другая закономерность: период ранней взрослости и зрелости, как и в первом случае, не демонстрирует связи между статусом профессиональной идентичности и спецификой временной перспективы, также отсутствие взаимосвязей наблюдается и в периоде юношества, а вот для старшего подросткового возраста статус профессиональной идентичности обнаруживает тесные взаимосвязи с такими параметрами временной перспективы как негативное прошлое ($t = -0,44$; $p \leq 0,01$), будущее ($t = 0,32$; $p \leq 0,05$) и фаталистическое настоящее ($t = -0,39$; $p \leq 0,01$).

Можно говорить, что формирование профессиональной идентичности через выделение более конкретных и реалистичных представлений о своем профессиональном будущем, системы ценностей и установок относительно будущей роли в трудовой сфере, тесно связано в подростковом возрасте с такими характеристиками как позитивное отношение к прошлому, принятие событий прошлого и их высокая оценка, умение и стремление ставить цели на будущее и идти к их достижению, готовность брать на себя ответственность за жизненные выборы, убежденность, что жизнь зависит в большей степени от самого челове-

ка, а не от судьбы. Естественно, что эти характеристики и в дальнейшем будут играть свою роль в жизненном сценарии субъекта, но не столь значимую, как в старшем подростковом возрасте при становлении профессиональной идентичности.

В период ранней взрослости и зрелости связи показателей личностной и профессиональной идентичности с параметрами временной перспективы выявлено не было, что может говорить о наличии более структурированной и устойчивой организации идентичности, в меньшей степени реагирующей на изменения во временной перспективе личности.

Работа выполнена в рамках реализации гранта ФГБОУ ВО «Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга» (конкурс научно-исследовательских грантов ФГБОУ ВО «КамГУ им. Витуса Беринга, 2023 год»), научный проект №14-12 от 19.11.2023 «Путь к себе: выход из кризиса»

Список литературы

1. Гунгер Н.Н. Психологические средства становления идентичности личности в период нормативного кризиса взрослости: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Наталья Николаевна Гунгер. – Новосибирск, 2007. – 221 с. EDN NOWLOF
2. Заводчиков Д.П. Исследование объективной картины профессионального пути личности и временной перспективы студентов / Д.П. Заводчиков, Е.В. Лебедева, А.А. Шаров // Живая психология. – 2023. – Т. 10. №7 (47). – С. 80–87. DOI 10.58551/24136522_2023_10_7_80. EDN KNXYUO
3. Манукян В.Р. Психологическое содержание и факторы возникновения кризиса профессионального развития у студентов вуза / В.Р. Манукян // Психологическая наука и образование. – 2011. – Т. 16. №4. – С. 109–117. EDN OXZKIJ
4. Шнейдер Л.Б. Психология идентичности: учебник и практикум / Л.Б. Шнейдер. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 328 с. EDN WEVMSZ

5. Шрейбер Т.В. Временная перспектива в связи с особенностями профессионального самоотношения и профессиональной идентичности личности / Т.В. Шрейбер // Психея и Пневма: проблемы формирования профессиональной идентичности у лиц помогающих профессий: материалы XV Сретенской Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 24–25 февраля 2022 года) / сост. Л.Г. Гончарова. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2022. – С. 35–38. EDN ABPUFS

6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.